

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

По дороге домой я прочитал в какой-то «левой» газете статью о коммунистическом движении в посткоммунистической России.

Хотя коммунистический строй в России разрушен, говорилось в статье, это не означает, будто коммунистические идеи навсегда исчезли из русской жизни и коммунистическое движение вообще прекратило существование. Существует несколько коммунистических партий. КПРФ является крупнейшей политической партией в современной России. Коммунистическая фракция доминирует в Государственной Думе. Глава партии Зюганов был кандидатом в президенты на прошлых выборах и имел шансы быть избранным. На предстоящих президентских выборах Зюганов вновь будет кандидатом от народно-патриотических сил России, ядро которых образуют коммунисты. Одним словом, коммунизм является в современной России серьезной политической силой.

Коммунистическое движение, говорилось далее в статье, должно считаться с уроками практики коммунизма в советский период и с теми конкретными условиями, которые сложились в стране и в мире. Я обратил внимание на ряд утверждений автора статьи, выражающих эту установку. Это отказ от догматического марксизма советского периода и признание правомерности иного подхода к социальным явлениям, отличного от марксистского, признание коммунистической идеологии помимо марксизма, отказ от идеи революционного преобразования общества («Россия исчерпала лимит на революционное восстание»), отказ от реставрации советского коммунизма, признание возможности некоего «ослабленного» социализма, в котором наряду с некоторыми чертами советского периода (например, сильная государственная власть, сильный общественный сектор, регулируемый государством, коллективизм, социальные права и гарантии и т.д.) будут иметь место результаты постсоветского периода (например,

многоукладность экономики, политическая демократия, «гражданское общество» и т. д.).

Я рассказал Защитнику об этой статье. Спросил, считает ли он себя коммунистом. Он ответил, что не считает и ни к какой партии не принадлежит. Я спросил далее о названии партии.

— В нынешней ситуации, — сказал он, — не стоит держаться за слова «коммунизм», «коммунист», «коммунистический». Они стали многосмысленными, а для многих людей приобрели чисто негативный смысл. И за марксизм держаться не стоит. Критик прав, марксизм — не наука, а идеология. И в качестве идеологии он свою историческую роль уже исчерпал. Он мог продолжать играть роль, если бы оставался государственной идеологией коммунистической России. А в посткоммунистической России он не имеет никаких шансов завоевать сознание масс.

— А что вы скажете по поводу того, что «Россия исчерпала лимит на революционные восстания»?

— Положение в стране кошмарное. Поговаривают о народном восстании и даже о революции. И даже о том, что якобы налицо революционная ситуация. Надо различать два вопроса: 1) поднимется ли наш народ на борьбу против «нынешнего режима криминального капитализма» (как выражается оппозиционная пресса); 2) имеется ли революционная ситуация в России и поднимется ли наш народ на социальную революцию. На первый вопрос ответ очевиден: народ в меру своих способностей и возможностей как-то бунтует против нынешнего режима, порой ощутимо. Но все это кончается ничем. Не платят зарплату полгоса — взбунтуются. Выплатят за месяц — расхоятся по домам пропивать подачку. И так во всем.

— Теперь о втором вопросе.

— Революционная ситуация — такая, которая чревата революцией. Какая революция имеется в виду? От этого зависит и оценка ситуации. Очевидно, имеется в виду революция, изменяющая социальный строй страны. А это может быть только социалистическая революция, в результате которой должен восстановиться социальный строй, какой существовал в России до контрреволюции 1991–1993 годов. Революционной ситуации в этом смысле я в России не вижу. И тем более не вижу, что наш народ может подняться на такую революцию.

— Почему вы так уверены в этом?

— Если массы людей живут плохо, этого еще недостаточно для революций. Массы почти всегда недовольны своим положением, а революции не так уж часто происходят. Для революции нужно совпадение многих факторов. Идеология. Пропаганда. Революционеры. Разложение власти. Вооружение масс. Переворот насильственный и т. д.

— Это мы все учили в школе и в университете.

— Признаки революционной ситуации и успеха революций общеизвестны. Их просто нет фактически. Зато есть признаки противоположные.

— Какие?

— Приведу один из них. В массе русского населения нет веры в спасительную роль социалистической революции. Допустим, революция успешно произошла. А что дальше? Принесет она самим своим совершением желанное избавление от всех бед? Люди знают по опыту, из литературы, от старших поколений следующую истину. Чтобы революция принесла свои плоды, даже при условии, что не происходят интервенция и контрреволюция, нужны десятки лет исторического терпения, преодоления трудностей, труда, жертв. Нужна последовательная политическая стратегия, опирающаяся на идеологическую уверенность в правильности избранного пути. Способен ли народ принять этот путь и вновь взвалить на свои плечи груз великой исторической миссии? Имеются ли вожди, способные повести народ этим путем, понимающие этот путь, преданные ему и уверенные в победе? Нынешний российский народ добровольно по этому пути не пойдет. А если его гнать палкой, он скорее обернется против и поднимется опять на какую-нибудь «перестройку». И на Западе для этого не пожалеют средств, а внутри России предателей найдется в избытке. Появление таких масс людей и вождей, о которых я сказал выше, есть целая историческая эпоха. В истории это бывает не часто. В России такая эпоха уже была. Она сыграла свою роль и принесла в свое время великие результаты. Русские прошляпили эти результаты. И вообще, главная проблема не в этом.

— А в чем?

— В том, что делать после взятия власти, если революция оказалась успешной. Думаю, что нынешние массы населения, политики и теоретики не столько жаждут свержения существующего строя, сколько боятся, что это произойдет, и тогда придется

снова начинать тяжкий путь труда, трудностей, жертв... Вот если бы кто-то даровал это сразу, в готовом виде, без риска, без потерь и т. д., тогда они приняли бы это за милую душу. Еще бы не принять: гарантированная работа, образование, медицинское обслуживание, пенсия и все такое прочее. Кто же от этого откажется?! Но сражаться за это?! Строгости терпеть?! Рисковать?! Жертвовать?! Нет, лучше уж так перебьемся.

— Усталость от исторической миссии.

— Да. И знание того, во что она обходится. Плюс к тому — радость освобождения от нее и страх ее повторения. К тому же миллионы россиян что-то выгадали от краха коммунизма. Они не хотят никакой революции. Они свое не упустят без боя.

— Мы живем в эпоху, когда приходится ломать привычные представления обо всех общественных явлениях. Первый колоссальный сюрприз на этот счет нам преподнесла холодная война. Она без выстрелов и бомб причинила ущерб нашей стране, в десятки раз превосходящий ущерб от «горячей» войны 1941–1945 годов. Другой сюрприз — советская контрреволюция 1991–1993 годов. Число выстрелов и жертв в ней оказалось ничтожно малым в сравнении с ее колоссальными последствиями. Так почему бы не допустить возможность такого же «холодного» революционного восстания?!

— «Холодная революция» есть лишь другое название парламентского пути. Если даже все сто процентов Думы и сам президент будут членами КПРФ, они не решатся пойти на реставрацию советского социального строя.

— Почему?

— Нет веры в успех. А рискнуть побоятся — побоятся потерять то, что они приобрели благодаря разгрому советского строя. И вообще эпоха социальных переворотов прошла. По всей вероятности, насовсем.

— Почему вы так думаете?

— Во-первых, на планете не осталось более или менее значительных регионов, в которых могли бы вызреть идеи и силы для социальной революции, не замеченные Западом. Запад способен пресечь их в зародыше. Во-вторых, человечество достигло таких размеров и такого состояния, что в рамках его невозможна сила, способная на социальный переворот. А внешней силы нет; инопланетяне — сказка для идиотов. Конечно, возможны какие-то мировые катастрофы, в результате которых человечество будет

отброшено на много веков назад. И тогда возможно наступление эпохи социальных революций. Но это лишь абстрактная возможность.

— А Китай? Арабский мир?

— Если даже допустить, что Китай побеждает Запад и навязывает западным странам коммунизм, это не есть путь социальной революции.

— Значит, тот факт, что Запад навязал нам посткоммунистическую систему, не есть социальная революция?

— Это была, как верно утверждает Критик, диверсионная операция холодной войны. Этому перевороту придали видимость народного восстания, не более того. И, в-третьих, почти все, что в идеях революционеров практически реализуемо, реализуется и без них. Они стали исторически излишними.

— Что же остается?

— Собирать и сохранять своих.

— Новая партия?

— Что вы! В стране сейчас более двух тысяч политических партий, общественно-политических движений и организаций. Еще одна партия ничего не меняет.

— Что-то вроде масонской ложи?

— Нет, это не русское дело. И ложей немедленно завладеют чужие. А нам нужно собирать, повторю, своих и только своих.

— Так что же это такое?!

— Трудно выразить словами. Свои — это не просто единомышленники. И даже не обязательно единомышленники. Свои могут быть врагами. Это некое родство, которое рационально не объяснишь.

— Догадываюсь! Вы имеете в виду что-то вроде мафии.

— Верно! Надо создавать национальную русскую социально-политическую мафию. Между прочим, наш партийный аппарат эволюционировал в направлении к организации мафиозного типа. Сложилось множество мафиозных групп. Но русская мафия как целое сложиться не успела. Помешали. Искусственно разрушили партийный аппарат изнутри.

— Речь идет не о преступной, а о социально-политической мафии. Такая мафия должна, очевидно, иметь опору в обществе. Из кого-то она должна вербоваться. Среди какой-то массы людей должна работать. Какой?

— Думаю, это очевидно: все те люди, которые живут за счет

своего труда, получают заработную плату и не имеют других источников дохода, в своем жизненном уровне зависят от состояния общества в целом. Число таких людей огромно. Оно растет. И роль их в обществе растет. Это государственные служащие, офицеры армии, научные работники и профессура, студенты и др. Они разбросаны по всем сферам общества, разъединены. Мафия, о которой я говорю, должна их объединить.

— Но кто-то должен начать создание такой мафии. Кто?

— Я для этого слишком маленькая сошка. Тут должны вступить в дело крупные фигуры, с большим весом в политике и со средствами. Тут большие деньги нужны.

— Такое возможно лишь на уровне высшей власти.

— Похоже, что так.

— И к чему же такая мафия поведет массы, на которые она будет опираться и с которыми будет работать? К революции?

— Ни в коем случае! Задача мафии — постепенно забрать в свои руки ключевые позиции везде, где только можно. Подготовить глубокий заговор. Подчеркиваю, не революцию в марксистском смысле, а именно заговор. И в подходящий момент осуществить переворот в пользу тех категорий граждан, о которых я говорил как об опоре мафии.

— Знаете, ваши идеи действительно кристально ясны. Не могу ничего возразить. Меня только смущает один вопрос.

— Какой?

— Способны ли мы, русские, на образование достаточно большой мафии? Ведь мы не евреи и даже не итальянцы!

— Этот вопрос смущает и меня. Но почему бы не попробовать?! Вдруг что-то получится! Во всяком случае, это наш последний шанс.